

ЛЕГЕНДЫ О ВОЗВРАЩЕНИИ ИЗ ЗАГРОБНОГО МИРА
(ПО ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИМ МАТЕРИАЛАМ)

Легенды о возвращении человека (чаще: его души) из загробного мира – одна из разновидностей цикла нарративов, повествующих о посещении визионером “того света”. Возможность такого путешествия, по народным верованиям, обуславливается состоянием обмирания, т.е. временного выхода души из тела, который имеет разные градации в промежутке между жизнью и смертью. В легендах о посещении потустороннего мира повествуется о том, как человеку удастся попасть в запредельное инобытие, совершить по нему своего рода экскурсию и, получив временную отсрочку от смерти, возвратиться в мир живых, чтобы поведать людям об увиденном там, либо услышанном с назидательной целью – воспользоваться оставшимся сроком жизни для спасения души. “Ядро” этих легенд определяется “бродячим” сюжетом, известным в различных этнокультурных традициях, имеющим многочисленные варианты и версии, равно как и разные формы бытования: устную, рукописную, книжную. Структура основанных на этом сюжете текстов легко расчленяется на составляющие мотивы, каждый из которых, варьируясь, может занять в том или ином рассказе либо превалирующее, либо периферийное положение, а то и вовсе отсутствовать.

Легенды о посещении “того света” неоднократно оказывались в поле зрения исследователей, одни из которых называли их “обмираниями”, другие – “видениями”. В первом случае акцент делается на переживании визионером состояния временной смерти, во втором – на созерцании им картин загробного мира.

В восточнославянской фольклористике эту тему открыли Н.И. и С.М. Толстые. В получившей известность статье «О жанре “обмирания” (посещения того света)» (Толстые 1979: 63–65) исследователи рассмотрели два полесских текста “обмираний”. Определив их место в системе других фольклорных жанров, авторы выявили их композицию и структурные особенности, выделив 1) заставку: предуведомление о предстоящем обмирании, 2) основной текст: путешествие по загробному миру, 3) концовку: пробуждение от сна и возвращение к жизни, рассказы об увиденном и запретах на этот счет. Вопросы же о мотивировках отсрочки смерти, о способах возвращения к жизни и сверхзнании, полученном “там”, не поднимались.

Статья Н.И. и С.М. Толстых стимулировала дальнейшее собирание и публикацию подобных произведений, их комментирование и анализ (Гура и др. 1983: 70, 71; Лурье и др. 1994: 22–26; Толстая 1999: 22, 23; Добровольская 1999: 23, 24).

Подводя некоторые итоги предпринятым в этой области разысканиям, С.М. Толстая пишет: “Рассказы такого рода не раз привлекали внимание собирателей, но предметом специального изучения пока что не стали ... хотя некоторые [их] особенности заметны даже на том скудном материале, который уже введен в научный оборот” (Толстая 1999: 22).

Рукописная нарративная традиция, связанная с легендами “визионерского” цикла, представлена публикацией текстов, их комментариями и анализом в статьях И.М. Грицевской, А.В. Пигина, акад. Н.Н. Покровского, Е.М. Юхименко (Грицевская и др. 1993: 48–68; Пигин 1994: 68–71; 1997: 551–557; 2000: 216–222; Пигин и др. 2003: 129–138; Покровский 1997: 39, 40). Рассмотрение устных легенд о посещении “того света” в соотнесении с рукописной и книжной традициями предпринято в одной из глав недавно вышедшей книги автора этих строк (Криничная 2004: 220–293).

Неонила Артёмовна Криничная – доктор филологических наук, зав. сектором фольклора Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (г. Петрозаводск).

Аналогами интересующих нас восточнославянских легенд служат средневековые европейские “видения”, сложившиеся в самостоятельный литературный жанр, который имеет фольклорные истоки. Анализ этих произведений принадлежит акад. А.Н. Веселовскому, А.Я. Гуревичу, Б.И. Ярхо и другим исследователям (*Веселовский* 1866: 152–209; *Гуревич* 1977: 3–27; 1981: 176–239; 1982: 348–358; 1989: 94–110; *Ярхо* 1989: 18–77 и др.).

Однако ни в одной из названных работ легенды о *возвращении* из загробного мира не стали предметом специального исследования.

Цель этой статьи – на основе текстологического анализа всей совокупности легенд, в которых достаточно репрезентативно представлен мотив возвращения обмиравшего из загробного мира, выявить круг религиозно-философских взглядов русского народа, связанных с обозначенной тематикой. Речь идет о концепции, предполагающей взаимообусловленность состояния миров – “того” и “этого”, об осмыслении человеческого бытия как подготовки к инобытию. В этой связи закономерна постановка вопросов о предпосылках и целях отсрочки смерти визионера, о способах его возвращения к земной жизни, о последствиях посещения “царства теней” как для самого обмиравшего, так и для социума, к которому он принадлежит. Предполагается так же осветить и некоторые проявления взаимодействий языческих и христианских элементов в рамках единого сюжета, пульсирования архетипов в непрерывающейся традиции изображения контактов между мирами.

Названные легенды необходимо рассмотреть в соответствующем фольклорно-этнографическом и культурно-историческом контексте с привлечением духовных стихов, а также произведений апокрифической, агиографической, святоотеческой литературы и, разумеется, текстов самого Св. Писания, где обнаруживаются мотивы, сходные с устойчивыми компонентами исследуемых нарративов.

Отсрочка смерти

Возвращение визионера из загробного мира обусловлено в первую очередь тем, что он попадает туда живым. Это со всей очевидностью следует из русской легенды, где визионер норовит пройти в мир теней во плоти, заслужив справедливый упрек со стороны привратников: “Нет, суды не входят в *телесах**” (*Виноградов* 1923: 312). Живым аналогичный персонаж предстает на “том свете” и в украинской легенде: “А чего ты сюда пришел, *не умерший*” (*Толстая* 1999: 22. № 4). В белорусской легенде не преминут сказать обмершему: “... тебе еще нельзя тут быть” (*Гура и др.* 1983: 70). То же наблюдается и в рукописной традиции. Обитатели загробного мира не признают визионера принадлежащим к сонму усопших: “Ты не совсем еще пришла сюда” (*Грицевская и др.* 1993: 57). Мало того, они даже торопят обмершего с возвращением, поскольку есть опасность, что люди на земле могут похоронить его тело, пока связанная с ним душа находится здесь. “Опоздаем, раба Божия Агриппина, и – чего доброго – сорхонят тебя заживо: тогда за тебя на нас спросится” (*Азбелев* 1992: 351. № 236), – беспокоятся ангелы-хранители, водившие обмершую по загробному миру. В белорусской легенде приводится мотивировка неминуемого возвращения визионера на белый свет: “Чего ты сюда попал! Тебе *еще рано*” (*Гура и др.* 1983: 71). Такой же смысл имеет подобная мотивировка и в болгарских нарративах: обмершим еще “не пришло время идти туда”, т.е. они не исчерпали отведенный судьбой срок (дни, недели, годы), не достигли положенного предела земной жизни: “... у нее еще оставались дни на земле” (*Тодорова-Пиргова* 1999: 26. № 4). Или: “Уходил, уходил, но вернулся после, потому что время его еще не пришло” (Там же: 25. № 3). Как вытекает из анализа апокрифов Древней Руси, именно это об-

* Здесь и далее при цитировании курсив мой – Н.К.

стоятельство послужило причиной возвращения к жизни и пророка Исаяи: «И сказал мне [ангел]: “Вернись в одежду [плоть] свою, пока не истекут твои дни. Тогда придешь ко мне сюда”» (Мильков 1997: 96).

Легенда о человеке, который угодил в загробное царство ранее установленного срока, была распространена уже в I–II вв. Она обнаруживается в произведениях Плутарха, Лукиана, а в V в. – в сочинениях христианского автора Августина. Так, Клеодем (в сатире Лукиана), не исчерпавший на земле положенного срока, был по ошибке доставлен через какую-то пропасть в Аид вместо кузнеца Демила, жившего уже сверх отведенной меры. Когда проводник представил Клеодема властителю царства мертвых Плутону, тот сказал: “Его пряжа еще не закончена, так что пускай уходит”. При этом он велел привести сюда кузнеца Демила, который “живет уже сверх веретена”. Здесь опять-таки имеет место осмысление времени и судьбы как кудели на прялке или ткани на станке богов (Криничная 2000: 87–113). По приказу Плутона ошибка была исправлена: Клеодема возвратили на землю, тогда как кузнец Демил немедленно умер (Лукиан 1955: 205).

Здесь напрашивается сравнение с соответствующими стихами из поэмы Данте, вобравшей в себя всю совокупность мотивов, входящих в западноевропейскую нарративную традицию “визионерского” цикла:

Он начал: “Что за рок тебя подвиг
Спуститься *раньше смерти* в царство это?
И кто, скажи мне, этот проводник?”
“Там, наверху, – я молвил, – в мире света,
В долине заблудился я одной,
Не завершив мои земные лета”.

Данте. Божественная Комедия: Ад. XV. 46–51.

Так для чего же при наличии строгих правил коммуникаций между мирами, несмотря на запреты и преграды, живые все-таки могут оказаться в царстве мертвых? Надо полагать для того, чтобы обмершие воочию узрели наглядно-чувственные картины блаженства праведников и мук грешников, воплощающие идею загробного воздаяния, и напомнили людям о неизбежности посмертного суда: “Ты видела, что я тебе показал, так все опиши людям, потому что человеческие души проходят через эти мытарства” (Лурье и др. 1994: 25. № 1).

Предполагается, что визионер, побывавший в загробном мире, сможет на конкретных примерах доходчиво объяснить своим сородичам и соседям, что земное бытие всего лишь подготовка к инобытию, где каждому воздастся по делам его. Услышанное непосредственно от очевидца должно, по промыслу Господнему, подвинуть грешные души на покаяние, без которого не будет спасения: “Скажи своим на селе, что все они забыли Меня. Если *не покаются, все погибнут*. ... Всем скажи, чтобы *каялись*” (Шевченко 1999: 28). Согласно этому рукописному тексту, более христианизированному по сравнению с устными легендами, Господь в знак подкрепления своего наказа-предупреждения обещает визионеру послать людям знамение в виде трех сильных громовых ударов, грозя в случае, если это не возымеет надлежащего действия, покарать их моровой язвой, от которой умрут “скорой смертью” вначале младенцы, потом скот и, наконец, взрослые люди. В украинской легенде некий старец, который водил визионера по загробному миру, показав ему вначале сад, “та такой же гарный”, а затем и “провалы”, где погибают грешники, велит ему возвратиться на белый свет и рассказать людям об увиденном, чтобы они каялись и давали нуждающимся “що мають, як одяжку, як от там все-все-все добро” (Ястребов 1896: 156), т.е. подавали бедным милостыню. В ней, как и в покаянии и искуплении грехов, христианское сознание усматривает средство спасения. Требование проповедовать в народе “откровение”, исходящее от божественных сил, выражено в рукопис-

ных “видениях” в семантической формуле, варьирующейся в известных пределах: “чтоб он, Пашко, сказал в мире”; “велела ей ... сказывать православным”; “сказать в народе ...”; “чтоб он ... объявил во весь народ, всем крестьянам”; “чтоб в народ об оном объявить” (Ромодановская 1996: 151).

В этой миссии визионеры приравниваются к Божиим посланникам, призванным по мере своих сил и возможностей спасти от неминуемой гибели грешный человеческий род. Теперь становится понятным, почему, как об этом свидетельствуют легенды, обмирали в первую очередь люди благочестивые, набожные, незлобивые, кроткие, безвинно страдающие – одним словом, живущие “во Христе”.

В некоторых легендах полученный на “том свете” наказ может носить и индивидуальный характер. Людям обмершим сообщают там о допущенных ими совершенно конкретных прегрешениях, чтобы каждый из них покаялся, искупил вину во имя своего спасения: “А тут бабенки говорят: она была на том свете, и ей там сказали, чтоб не пела, не плясала” (Шеваренкова 1998: 42. № 158). Так как песни и пляски воспринимались церковью как проявления бесовских игрищ, христианской душе предписывалось от них отказаться.

Чаще всего согрешившие попадают на “тот свет” для вразумления по просьбе своих благочестивых родителей, которые молились за своих чад перед Богом. Частные наказания, которые визионерам дают их загробные проводники, касаются различных реалий нравственной и религиозной жизни русского народа. Так, например, в рукописном “Видении некоей старухи” мать настоятельно убеждает свою обмершую дочь по возвращении в мир живых безотлагательно и без колебаний принять святое крещение. Наказ дается в бытовой форме, как будто дело происходит не в трансцендентной реальности, а где-либо в обычной крестьянской избе: «И мать ея, егда ю виде, нача ей пенять и говорить жестоко: “Почто долго не просветишися святым крещением? Смотри на народ здешней, кои просвещены святым крещением, каковы суть светлы лицом и честны. А ты жила, да что выжила, где себя обрящешь?”» (Пигин и др. 2003: 136, 137).

В иных случаях насельники загробного мира не ограничиваются словесными увещеваниями по формуле “смотри, как живут люди и как живешь ты”, или “все не как у людей”: они показывают картины мучений, наглядно демонстрирующие его собственную посмертную участь, если тот не покается в своих грехах. Однако для того чтобы покаяться и исправить кризисную ситуацию, визионеру еще предстоит вернуться на белый свет, ибо в легендах, как и в духовных стихах, сделать это в загробном мире невозможно:

Проречет Господь ко всем грешным:
 “Вы грешные, беззаконные рабы!
 Когда вы во ад пошли, тогда воспокаялися!
 Не есть во аде покаяния,
 Не есть во аде исповедания!”

(Бессонов 1863: 218. № 506).

В духовных стихах нет места отсрочке смерти и, тем более, нет отсрочки суда. Несмотря на просьбы грешников дать им время для покаяния, молитв и деяний, совершенных “по-праведному, по-небесному”, святые “единым гласом” отказывают им в этом. Такая отсрочка возможна лишь в легендах, имеющих тенденцию к смягчению драматизма, связанного с финалом человеческой жизни, отягощенной теми или иными прегрешениями. Именно в легендах для тех, кто желает очиститься посредством исповеди и покаяния, Господь предотвращает смерть во грехе.

Однако вернуться для покаяния с “того света”, по свидетельству обмиравших, простому смертному нелегко. Не доставляет особого труда преодолеть границу между мирами в обратном направлении лишь Божиим избранникам, несущим чело-

вечеству наказ Господень. (Согласно дохристианским представлениям, способностью к возвращению из иного мира, в этом случае ритуально обусловленному, обладают шаманы, несущие людям восстановление здоровья, обретение материальных благ, знание будущего и пр.)

Согревшим же приходится просить об отсрочке самого Бога либо иных существ высшего порядка, персонифицирующих божественную волю. Или же за них это делают покойные родственники. Так, в “Видении некоей старухи” в ответ на мольбы покойной матери, которая смогла войти “в храмину зело красну и всю аки бе позлащенну”, тогда как ее обмершую дочь туда и близко не подпустили, из “храмины” раздался глас: “Отведете ю еще вспять”. И обмершая получила возможность на время вернуться к земному бытию, чтобы покаяться и искупить свой грех – в данном случае принять святое крещение (*Пизин и др.* 2003: 132).

Коллизия напоминает “примеры”, вошедшие в состав собрания “Великое зеркало”, переведенного на русский язык с польского в XVII в. Некая “зело благочестивая” женщина еще в молодости “учинила” одно-единственное прегрешение, не исповедавшись и не покавшись. И все ее добрые дела обратились “ни во что”. Когда эта женщина умерла, множество бесов окружило ее, увлекая в геенну. И та призвала Богородицу, которой при жизни каждый день мысленно исповедовалась в своем прегрешении. По предстательству своей матери, Бог позволил этой душе вернуться в умершее тело. Женщина пробудилась, будто от тяжелого сна. Покавшись и возблагодарив Господа за милосердие, она почилла с миром. В другом “примере” то же произошло с неким юношей, который “от мертвых восста и поканием исправися” (*Державина* 1965: 268–270, 394). Мало того, согласно русской нарративной традиции, отсрочка возможна даже от Страшного Суда, о чем, в частности, свидетельствует “Видение Агнии” (*Покровский* 1997: 40), где женщина просит у грозного Судии “три дня жизни”: “Меня только на три дня отпустили” – эта формула отсрочки смерти устойчива в легендах о посещении загробного мира. Но чаще продолжительность такой отсрочки для получившего ее остается все же “неопределенной”. В “Видении некоей старухи” на вопрос обмершей: “Надолго ли мене отпустили?” – ее провожатые отвечали: “Много хочещи знать, поди, куда ведут, а о том не отведывай” (*Пизин и др.* 2003: 138).

Отсрочка дается не только для покаяния в совершенных прегрешениях (например, “за торжища и шутовские беседы и за все мира забавы”), но и для того, чтобы человек перед смертью смог проститься со своими родственниками, знакомыми и всем тем, что ему было дорого на земле: “Поди опять в мир и простиись со своею матерью, сродниками, ближними и ярмарками, на которых ты любила гулять, принеси чистое покаяние” (*Грицевская и др.* 1993: 62).

В южнославянских легендах визионера, которого на “том свете” наделяет “силой” либо “талантом” лечить людей сам Христос (или Аллах), посылают в мир живых, чтобы избавлять человечество от всяческих страданий (*Тодорова-Пиргова* 1999: 25). Обладателем магических способностей возвращается из потустороннего мира и герой волшебной сказки или эпической песни. Типологически сходен с ним центральный персонаж мифов о шаманах, который, будучи в состоянии экстаза, вступает в контакт со своими духами-помощниками. Совершая камлание – символическое путешествие в иные миры, он приносит оттуда души еще не рожденных детей, а также души промысловых и домашних животных, или возвращает души врачуемых им людей, обеспечивая здоровье, плодородие, удачу. В отличие от подобных мифов, в рассматриваемых легендах шкала ценностей смещается в сферу духовно-нравственных категорий, связанных с христианской идеей воздаяния, которая в шаманизме отсутствует.

Мотивировкой отсрочки смерти и возвращения человека в мир живых служит и его исключительная роль в служении “нашей церкви”. Формула возвращения с “то-

го света” – “иди вспять и подвизайся” характерна для русской агиографической традиции, для тех житий, где есть мотив посещения иного мира. Аналогичная формула встречается и в западноевропейских средневековых “видениях”, и прежде всего в “видении” святого Сальвия, якобы рассказанного им самим (Гуревич 1981: 193). Крайней формой выражения отсрочки смерти является категорический отказ привратников пропустить обмершего в потустороннюю обитель. В одном из “примеров”, помещенных в собрании “Великое зеркало”, монаха, пребывающего в состоянии “ни там ни сям”, не пропустил “туда” некий старец, спустив на него черного лающего пса и укоряя: “Чего ради восхотел еси от сего монастыря изыти?” (Державина 1965: 425). И только мольба тамошних монахов спасла земного пришельца от “угрызения” пса, после чего тот пришел “в чувство”.

Таким образом, мотивировки отсрочки смерти носят не только частный, но и общий характер.

Способы возвращения с “того света”

Обмерший, впадая в лиминальное состояние, находится в течение всего “порогового” периода между жизнью и смертью. На разных этапах этого периода может преобладать либо жизнь, либо смерть. В любом случае для обмершего грешника всегда сохраняется опасность, что он так и останется в загробном мире, где будет судим по законам посмертного суда. Да и другие простые смертные не уверены, что им удастся вернуться из потустороннего мира. И потому возвращение “оттуда” обусловлено в легендах многими предпосылками.

По одной из версий, убежать обратно можно на пути следования в загробный мир. Это, например, происходит, когда находящиеся там женщины, подняв руку и нечто обозначив столь неопределенным жестом, призвали обмершую одуматься: «“Куда ты идешь? ... Плохо, – говорят, – тут” (ну да кому и как – другое дело)» (Лурье и др. 1994: 26. № 5). Последовав их совету, обмершая нашла в себе силы убежать, преодолев дочернюю привязанность, поскольку проводником на “тот свет” был ее покойный отец: “... как отцу отказать ..., я не могу отвернуться от него” (Там же).

В других легендах обмершая возвращается в мир живых с помощью провожатого, который привел ее в мир мертвых; он – посредник между земным бытием и потусторонним инобытием. В некоторых нарративах наблюдается удвоение подобного персонажа. Так, в белорусской легенде Господь, показав обмершей пространства запредельной реальности и рассказав о неких сокровенных тайнах, возвращает ее на белый свет: “Иди сюда и я тебя отведу обратно”. Картина вселенского масштаба выражена, по сути, в бытовых формах: взяв одной рукой обмершую за руку, а в другой держа зажженную свечу, Господь повел ее оттуда, передав затем на попечение другому проводнику. Лишенные жертвы, из “той норы”, уготованной там грешникам, “завыли и взвыли” некие мифические существа (Гура и др. 1983: 70). В украинской легенде тот самый старец, который водил визионера по загробному миру, помогает обмершему преодолеть лиминальное состояние и вернуться к земной жизни, велел ему рассказать об увиденном и услышанном людям с целью их духовного и нравственного совершенствования во имя спасения. Когда же удивленный визионер, считая себя уже мертвым, засомневался в том, что он сможет исполнить данный ему наказ, старец резонно упрекнул тугодума: “Якый же бо ты, чоловиче, нерозумный! Я тоби кажу: иди!” (Ястребов 1896: 156).

Возвращение с “того света” обеспечивается и с помощью определенной семантической вербальной формулы: “Иди, иди отсюда”; “Ты иди отсюда!”; “Пооди опять в мир!”; “Иди обратно домой”; “Будет тебе ходить здесь, иди отсюда!”; “Иды, донька, и не оглядайся”; “Иды ж на той свит, назад возвращайся ...”, “Ступай домой” и пр. Подобная формула, имеющая, несомненно, магическую силу и “размыкающая” пе-

ред обмершим миры, сохраняется, варьируясь, и в легендарной сказке: “Пойдем, пообедай, да с Богом и домой ступай!”. Аналогичная формула, как и следовало ожидать, обнаруживается и в “Божественной Комедии” Данте:

“... Ты зачем сюда попал?

Ступай себе, раз носишь плоть живую ...”

Ад. XVII. 66-67.

Отправляя обмершего обратно, насельники загробного мира “размыкают” пространство инобытия не только вербальными, но и материализованными средствами. Они, к примеру, откидывают полог или завесу (“полотно это такое”, “материал такой”), которыми загробный локус отделяется от остального мироздания. В иных легендах в качестве полога или завесы выступает туман, скрывающий от случайного обыденного взгляда сакральное инобытие: “... и в глазах у меня потемнело, будто какой густой туман встал .... И поняла я, что мы уже в загробном мире” (*Шевченко* 1999: 28) (ср. с легендами об острове Аваллон либо о городе Игната, имеющих признаки запредельного инобытия). Соответственно и обратный путь пролегает через туман. Вместе с тем в некоторых легендах специально для визионера, возвращающегося обратно, открывают врата загробного мира.

Семантической формуле соответствует и определенное кинетическое действие. По легендам, обмершего (вернее – его душу) возвращают в мир, куда-то его толкая, вталкивая, заталкивая, запихивая, например, в бездыханное тело – холодный чулан с костями либо в приравненную к нему “падлину” (падаль) (*Лурье и др.* 1994: 23). В одном из нарративов ангелы-хранители подвели обмершую вплотную к ее бездыханному телу, велев своей подопечной наклониться над ним, закрыть глаза и сотворить Иисусову молитву. Когда все это было исполнено, ангелы-хранители “легонечку” прикоснулись к шее обмершей. Та вздрогнула и – очнулась в гробу. Как явствует из легенд, толчок или удар оказываются теми кинетическими средствами, которыми можно вернуть в тело покинувшую ее душу, а самого человека – к жизни: “... а меня пихнули – и я проснулся” (Там же: 24). Полетела с лавки и проснулась девушка, когда провожатый уже на пути к загробному миру толкнул ее со словами: “Ты мне не нужна, не возьми тебя с собой!” (*Виноградов* 1923: 310). В украинской легенде пробуждается кум рассказчика, потому что на “том свете” его ударил “киечком” в спину некий “дид” (*Толстая* 1999: 22. № 4). Вариант: старец-проводник по загробному миру “в це время взяв та штовхнув” своего подопечного – и тот проснулся (*Ястребов* 1896: 156). Нетрудно заметить, что в данных эпизодах в качестве души обмершего фигурирует “духоматерия” (термин А.Я. Гуревича). С одной стороны, провожатые уверяют ведомого, что с ними “там” ходила лишь его душа, тогда как тело оставалось “здесь”. С другой стороны, у визионера, получившего удар “киечком” в загробном мире, уже на “этом” свете долго болела спина, пока он не умер.

Душа предстает в легендах как двойник человека. Не случайно очнувшаяся от обмирания женщина узнает обо всем увиденном и услышанном на “том свете”, как выясняется, от своей души, посетившей и места мук, и места блаженства: «Вернулась душа к женщине и сказала: “Много бы я вам поведала, да кабы вы с ума не сошли от страху”» (*Шеваренкова* 1998: 42. № 157). Кстати, возвращение души в тело на этот раз оказалось непродолжительным: женщина после этого едва ли не сразу умерла.

Несмотря на христианизацию данного мотива, его модель сформировалась на основе языческих представлений, одним из проявлений которых служит поверье, зафиксированное, в частности, в сербской традиции. Если спящую ведьму положить головой туда, где у нее лежали ноги, то, возвратившись, ее душа не найдет входа в телесную оболочку и будет летать над ней в виде птицы или бабочки (*Афанасьев* 1994: 216). Подобным представлениям были приданы христианские формы, особенно в книжно-рукописной традиции, о чем, например, свидетельствует апокриф “Видение апостола Павла”: «Перед исходом его от мира предстали [перед ним] благие ан-

гелы, взяли душу праведника и заботились о ней, пока она выходила из тела. И взяли душу ту, трижды сказав: “Душа, познай свое тело, откуда вышла. Ибо предстоит тебе снова возвратиться в тело свое в день воскресения...”» (Мильков 1997: 61, 62). И наоборот: «Злые же [ангелы] приняли его душу и с собою понесли. И когда несчастный с телом своим растался, трижды сказали ему: “О, окаянная душа, воззри на плоть свою, познай жилище свое, откуда вышла, ибо предстоит тебе снова войти в плоть свою в день воскресения...”» (Там же: 63). В свете древних анимистических верований тело – лишь земная оболочка души, которая может высвободиться из этого одеяния либо вновь обретать его.

Случается, что возвращение к жизни стимулируется чувством страха, пережитым “там” обмершей при мысли о неотвратимости загробного возмездия: не вернись она на землю, не миновать места, уготованного грешникам. Чувство страха, восстанавливающее исходную ситуацию, испытывает обмиравшая и при пересечении границы загробного мира, охраняемой мифическим стражем: “Как змея лежала, прям меня туды пихнули, я вскрикнула и проснулась” (Лурье и др. 1994: 23). Впрочем, в одной из легенд лиминальное состояние преодолевается обмершей и посредством переживания ею чувства радости, например, при получении известия, что после кончины ей “представится Царство Небесное”.

Пробуждению способствует и возникновение у обмиравшего человека в ином мире ничем не преодолимого сугубо земного желания, которое, имея материально-чувственный характер, в силу определенных обстоятельств не может быть удовлетворено на “том свете”. Так, например, женщине, которую “там” угостили холодцом, да еще “дюже соленым”, так сильно захотелось пить, что она проснулась (Добровольская 1999: 24).

Возвращению “оттуда” содействуют и молитвы либо иные магические формулы, произнесенные визионером в загробном мире, иногда по совету провожатых. С другой стороны, оно стимулируется и углубленной, сосредоточенной молитвой родственников, и особенно оставшихся без матери сирот: “Ну, оне молились, и девоцьки (две девоцьки у ее было) молились, молились, ...” (Там же). Свою роль в вызволении из запердельного мира может сыграть и ритуальная брань (Криничная 2001: 409). Например, немедленно приходит в себя обмершая женщина, муж которой выругался “нехорошим словом” как раз в тот самый момент, когда она, уже находясь во власти инобытия, готовилась взойти на первую ступень лестницы, “прямой, высокой, до небес”, продолжая, однако, непрерывно говорить “здесь”, в своей избе (Шевченко 1999: 28), что служит проявлением “закона сопричастия”, согласно мнению Л. Леви-Брюля. Этот ученый считал, что мифологическое мышление в состоянии допустить многосущность личностей, их *одновременную локализацию в нескольких разных местах* (Леви-Брюль 1994: 177, 267). В соответствии с этим утверждением обмершая находилась одновременно в двух местах.

Тот же эффект достигается визионером и посредством определенного кинетического действия, которое, начинаясь на “том свете”, заканчивается уже на “этом”. Например, стоило обмершей протянуть руку “там”, чтобы ради своего спасения ухватиться за кол, стоящий посреди смолы, как все, кто находился тогда в крестьянской избе, увидели, что их “покойница” внезапно протянула руку. Или другой пример: девушка, которую проводник толкнул с горы “там”, чтобы отправить ее обратно, упала с лавки уже “здесь” (Виноградов 1923: 311, 314).

В возвращении обмиравшего к жизни, достигаемом самыми разными способами, свою роль могут сыграть и потусторонние божественные силы, и они сами, и оставшиеся на земле родственники.

Преодоление лиминального состояния характеризуется глаголами: *проснуться, пробудиться, разбудиться, очнуться, очувствоваться, прийти в чувство, ожить* и др. Возвращение к жизни происходит чаще всего в крестьянской избе: в гробу, в

122

постели, на печи, но иногда и далеко за ее пределами. Вспомним, к примеру, белорусскую легенду, где солдат обмирал во время маневров: он пришел в себя “в кустах, никого нет” (*Гура и др.* 1983: 70). В некоторых нарративах обмиравшего, принятого за мертвого, успевают вынести в амбар или баню. Так, например, в 1911 г. очнулся в “нахожденной” бане Павел Муравьев (он принадлежал к тому самому дворянскому роду, из которого вышло несколько декабристов). Вместе с ознобом и болями к обмиравшему вернулась и жизнь (Потусторонний двойник 2000: 59).

Время возвращения с “того света” обозначается варьирующейся семантической формулой, имеющей сокровенный смысл: “В какой час уснул, в такой и пробудился” (*Зиновьев* 1987: 300. № 437); “В какое время обмерла, в такое и встала она” (*Лурье и др.* 1994: 26. № 3). Эта же формула встречается и в белорусских легендах: “... и у тую саму пору, шо она лягала, и у тую встала”; “... точно через пять дней, час в час, вдова проснулась ...” (*Толстая* 1999: 22. № 1; *Толстые* 1979: 63). Иначе говоря, для возвращения с “того света” нужно, чтобы потустороннее время, проведенное визионером в загробном мире, замкнув некий загадочный круг, в определенный момент (“вдруг”), когда миры взаимопроницаемы, включилось в земное временное измерение.

Такое же совпадение временных ритмов обоих миров необходимо и для совершения действия, имеющего обратную направленность. Именно в тот краткий миг, когда время замыкает свой круг, умирает (на этот раз окончательно) и возвращенец с “того света”, получивший отсрочку от смерти, чтобы искупить грехи и покаяться. Так, например, девушка, которая вначале обмерла, а затем ожила, скончалась через год в тот самый день, когда она вернулась к жизни. Пересечение обоих временных циклов возможно, несмотря на несоизмеримость времени, текущего в земном и запредельном мирах.

Очнувшись, обмершая не сразу понимает, что с ней (живая она или мертвая?) и где (в “том” или “этом” мире?) она находится. Тем более, что чаще она обнаруживает себя в гробу в смертном одеянии (в саване, с венчиком на голове), со свечкой в изголовье, иногда с листовкой в руках. Родственники “покойной”, на чьих глазах та поднялась из гроба, в таких случаях не могут осознать до конца ее нынешний статус в мироздании, которое, с их точки зрения, утратило в данный момент бывшее равновесие. Воспринимая оживание “мертвеца” как проявление хаоса во взаимодействии между мирами, они спешают прочь из избы. Типичная ситуация изображена в записанном нами бытовом рассказе: «Она (мама. – *Н.К.*) доит коров, а папа доделывает мне гроб в сарае. Бабка бежит без оглядки: – “Ах, Господи Иисусе, Святый Боже, святители, встает дочь”. – “Да что ты, матушка?” – “Подьте, – говорит, – она встает, а я убежала»» (АКНЦ 23: № 272). И лишь вопрос обмиравшей, заданный, по некоторым легендам, домочадцам вдогонку: “Што вы, Бог с вам, бежите?” – заставляет их приостановиться и оценить ситуацию. Не смея вернуться в избу, они через открытую дверь с опаской просят вставшую из гроба сотворить молитву, чтобы развеять их сомнения и отсеять мысль о ходячих покойниках. В других легендах очнувшаяся изображена уже в тот момент, когда она осознает себя безусловно живой: “Люди, не убегайте никто, я вас никого не трону, я не помершая ...” (*Гура и др.* 1983: 70).

Одним словом, градации восприятия оживающего визионера могут быть самыми разными, вплоть до полярных: от полной уверенности, что из гроба встает покойник, до абсолютной убежденности, что поднимается безусловно живой. В последнем случае родственники несколько его не боятся, кидаясь обнимать и целовать пришедшего в себя.

Как выясняется при рассмотрении легенд, в мир живых обмерших обычно возвращается с радостью. И лишь в агиографической традиции либо в нарративах, испытывавших на себе ее влияние, оказавшийся в ином мире хотел бы навсегда остаться в

том “обширном и светлом месте”, куда он попал в состоянии тяжелой болезни. Именно эта версия получила развитие в рукописной “Повести о душеполезном видении”: проводник, показав Андрею загробный мир, привел его к бездыханному телу, но тот, не хотел лишиться прибывшей ему от голоса радости, не хотел в тело идти, однако пробудился (Пигин 1997: 557). Такой мотив находит себе соответствие в византийских житиях. Например, в “Повести о житии и деяниях Филарета Милостивого” сородич святого с плачем и стоном горюет по поводу утраты блаженства божественного видения: “Увы, какой улады и блеска сладчайшего света, узренного мной, я лишился” (Полякова 1972: 112). С подобными же сетованиями на то, что возвращен с небес в этот несчастный мир, обращается к Богу и святой Сальвий в западноевропейских латинских “видениях”.

Вернувшись “сюда”, визионер может уйти обратно, так как в течение определенного времени он все еще сохраняет признаки лиминальности. В положении между земным бытием и запределным инобытием он может остаться “здесь”, но может оказаться и “там”. Как повествуется в одной из легенд, когда с такой очнувшейся домашние хотели снять смертное одеяние, женщина не позволила им этого сделать, мотивируя свой отказ тем, что скоро преставится Господу. И действительно, на следующий день, до зари, она умерла без мук, тихо, незаметно (Шеваренкова 1998: 43. № 160). В рукописном нарративе “Видение девицы Пелагеи” обмиравшая, очнувшись, в течение года жила без пищи, питья и сна, пока не умерла (Грицевская и др. 1993: ...). Недолговечны и другие обмиравшие, которые получили лишь временную отсрочку от смерти (Толстая 1999: 22. № 4).

Остающиеся в живых лишь постепенно преодолевают последствия обмирания. Вначале они шаг за шагом осваивают физические движения: “А я, значит, стала шевелиться. Потом, – говорит, – стала ворочаться”; “Тады глядят – она как вроде ворочается. ... Да. Она просыпается”; “Она разом – одна рука упала, друга, и поднимается ..., уже села и говорит ...” (Гура и др. 1983: 70; Добровольская 1999: 24). Вслед за физическими восстанавливаются и интеллектуальные возможности обмиравшей. По некоторым легендам, вернувшийся с “того света” в первое время не в состоянии говорить, но через определенный срок он вновь обретает дар речи. Так, например, некий “муж благоговейный” Даниил, очнувшись после посещения потустороннего мира, на протяжении восьми дней не говорил “никакого слова” и лишь по истечении “переходного” периода стал вновь владеть речью (Житие и чудеса 1995: 76).

Однако последствия лиминального состояния, проявляющиеся в некоторой умственной поврежденности обмиравшего, иногда так до конца и не преодолеваются и могут сохраняться всю жизнь. По рассказам, вид у этих людей бывает странным (Виноградов 1923: 315). В другом случае над обмиравшей, когда она рассказывала об увиденном на “том свете”, люди смеялись, а иные готовы были отправить эту женщину в “сумасшедший дом”. Заметим, что аналогичное состояние по возвращении из мира божеств и духов претерпевает и шаман. Такое состояние преодолевается по мере того, как над ним, погруженным в дремоту, высекается огонь (Новик 1984: 37).

И все же в основном обмершие возвращаются из загробного мира не только живыми, но и как бы перерожденными и обогащенными приобретенным там сверхзнанием.

Последствия посещения потустороннего мира

Последствия посещения “того света” оказываются чрезвычайно важными как для социума, так и для индивида. Следуя наказу “иди обратно домой, расскажи все, что видела”, за исключением неких трех (иногда двух) магических слов, обмиравшая и в

самом деле рассказывает людям “про ад, про все, что видела на том свете” (*Виноградов* 1923: 311, 314).

Свидетельство “живых примеров” либо “живых случаев” – для слушателей такой же достоверный источник, как Св. Писание, адаптируемое в народном восприятии к повседневному обиходу. Визионерский опыт осмыслиется верующими как путь к спасению души, как знамение назревшей необходимости корректировки в отношениях между мирами. Человеческие поступки под влиянием легенд о посещении потустороннего мира все чаще рассматриваются сквозь призму народной этики, определяемой натуралистически-родовым термином *tellus* – земля, почва, *caritas* (любовь к ближним) и *ритуальными законами* (*Федотов* 1991: 75, 89, 118, 175, 177), которые в конечном итоге и заключают в себе правила жизни “во Христе”. По словам одной из обмиравших, многие приходили к ней спрашивать, какое место уготовано им на “том свете” и за какие именно грехи. И когда вопрошаемая им отвечала, те признавались, что в этих грехах и повинны. “Грешники мы!” – заключает некая обмиравшая свой рассказ об увиденном ею в загробном мире.

Жизнь индивида после посещения инобытия существенно меняется. Преодолевая влечение к прежним прегрешениям, он становится благочестивым и набожным: “... а его как подменило – пить бросил, как больной. И все в церкву бегат, свечки ставит, с батюшкой ходит”. Покойную мать стал называть “мамонька моя”, хотя, пока та была жива, никогда ее так не называл (*Добровольская* 1999: 24). Отныне отличается набожностью и известная в селе Люба Новоселова, которую в состоянии обмирания провела по загробному миру ее покойная мать. Показав дочери все отсеки ада, мать на каждый ее вопрос: “Это штё?” – дала вразумляющий ответ: за что мучается каждая из категорий грешников. Вернувшись в мир живых, и она, и вся ее семья становятся набожными и благочестивыми: “А ну она и молилась! ... А вот шибко оне молилися, все праздники признавали оне” (Там же). Свято чтит ритуальные законы церкви после обмирания и Агапия (Агафья) Назарова. Если раньше эта женщина не ходила на богослужение отчасти по болезни, отчасти по неимению одежды, то теперь, как только слышит звон, ее так и тянет в церковь. Эта верующая уже не пропускает ни одной службы. У другой обмиравшей, которая в загробном мире узнала об участии некрещенных детей, все дети были незамедлительно крещены. Точно так же женщина, которая не подала нищим даже на поминках собственной матери, теперь, по возвращении с “того света”, где она узнала о последствиях своего прегрешения, стала с радостью подавать всем нищим милостыню. И даже в том случае, когда не сама грешница, а некто другой видит на “том свете” наглядную картину уготовленной ей посмертной участи, кризисная ситуация обычно с готовностью преодолевается. В качестве примера может быть приведена легенда, по которой отец рассказчицы, находясь одновременно и в состоянии сна, и в состоянии тяжелой болезни, видел в загробном мире, где “морды” накрыты у кого тюлем, у кого марлей, у кого газетой, односельчанку “Наталлю”, хотя та была жива: она, якобы, сидела там в “кабинете” за “голым” столом. И в этом случае местонахождение одного и того же человека одновременно в двух мирах соответствует выявленному Л. Леви-Брюлем “закону сопричастия” (*Леви-Брюль* 1994: 177). Потрясенная вестью, принесенной “оттуда”, женщина поспешила покаяться и искупить свой грех: “Ох, я ж, кажесть, никаму ничёгда не давала”: “ни дятенку, ни стараму, ни маламу”. Назавтра принесла соседям два ведра яблок из своего сада, хотя еще недавно, бывало, говорила: “Луччи хай пагниють, но никаму ни дам” (*Толстые* 2003: 13). С “того света” обмерший приносит и другие наказания, последовав которым можно спастись и обрести по кончине вечную жизнь.

Из загробного мира, где сосредоточены все начала и все концы сущего, обмиравшие выносят и знание о грядущей судьбе, причем не только своей, но и родственников, односельчан. И это не удивительно: на “том свете” прошлое, настоящее и буду-

щее слиты в едином мифологическом времени. Мысль о присущей загробному миру слитности времен как о важнейшем условии провидения была в свое время сформулирована Данте:

“... ты провидишь все, чему дана
Возможность быть, взирая к Средоточью,
В котором все совместны времена”.

Данте. Божественная Комедия: Рай. XVII. 16-18.

Подобные представления имеют свои предпосылки: “Вечность есть пространство времени, не имеющее ни начала, ни конца, а следовательно, состоящее только из одного настоящего” (Карышев 1904: 82). Это знание обычно сообщается проводниками по загробному миру, в роли которых, напомним, выступают предки, умершие родственники или Бог, святые, ангелы-покровители: “Меня бабка по тому свету водила и все мне про жизнь порассказала, *кака жизнь у меня будет*” (Добровольская 1999: 23). Если на земле грядущее скрыто от человека дымкой неизвестности, то в ином мире все вехи жизненного цикла каждого индивида уже предопределены в деталях: например, когда и за кого эта “девка” выйдет замуж, сколько у нее будет детей, когда умрет и многое другое, что в легенде вмещается в емком “сколько чего”. По другой легенде, оказавшись в загробном мире, обмершая узнает от своего покойного отца, что выйдет замуж вслед за Алевтиной за ее деверя (Лурье и др. 1994: 24).

В легендах “визионерского” типа наиболее продуктивен мотив предсказания смерти, вынесенного из загробного мира: “Ты, Маруся, или там Катерина (не помню, звали-то ее как), помрешь тогда-то” (Добровольская 1999: 24). Сообщение точного срока кончины (иногда вплоть до дня и часа) обычно сопровождается запретом рассказывать об этом кому бы то ни было. В случае же его нарушения смерть из земного будущего переместится в земное настоящее: “пряма сразу помрешь”.

Как повествуется в легендах, полученное на “том свете” предсказание сбывается с роковой неотвратимостью и пунктуальной точностью, и даже в тех случаях, когда, казалось бы, ничто не предвещает такого исхода. В одной из легенд женщина, когда приблизился час предсказанной ей кончины, призвала мужа со словами: “Готовь гроб, помру я”. Поскольку она “не шибко болела”, тот не поверил. И тем не менее, как и было предсказано, смерть в урочный час настигла женщину (Там же). По другой легенде, некий дед, будучи в ином мире, узнал, что умрет “через три года четвертого сентября в четыре часа”. В этот день старик встал рано-ранехонько, надел “тройняк”, сапоги, обошел, нигде не задерживаясь, всю родню, приглашая ее к себе к четырем часам. Побывал и на кладбище, выбрал место, воткнув там “крест красный, длинный такой, высокий”, и наказал здесь его похоронить. Так как ничто не предвещало смерти деда, никто из родственников ему не поверил и в назначенное время не пришел. В урочный срок, в четыре часа, старик сдвинул две лавки, положил на них потник и, заглотив из ковша поданной по его просьбе воды, умер (Зиновьев 1987: 300, 301. № 437). Нередко обмиравшему известны и сроки кончины родственников: “... ей сказано было, когда она помрет и когда муж помрет, токмо ей говорить это нельзя, а то помрет раньше-то” (Добровольская 1999: 24). И человек живет, зная о времени смерти, своей и других.

Возвратившиеся с “того света” обладают сверхъестественными способностями. Нередко они предупреждают, когда прямо, а когда и иносказательно о надвигающихся катаклизмах в жизни социума или индивида. Так, например, недавно обмиравшая Агафья Назарова заранее знала о пожаре в селе Давидове, причинившем большой вред. Об этом женщине поведал некий старец, который после ее возвращения из загробного мира время от времени являлся в видениях. Такие предсказатели сопоставимы с шаманами, способность предвидения которых имела широкий диапа-

зон: от индивидуальных предсказаний до прорицаний всенародного масштаба (Попанов 1991: 148, 149).

Эти люди, согласно легендам, способны не только узреть будущее, но и рассмотреть происходящее на расстоянии. Одна обмиравшая, едва очнувшись и заметив в числе людей, собравшихся в их доме, соседку Марью, сразу же велела той бежать поскорее домой, так как у нее “младеня в люльке криком изошелся, а дочка заснула, не качат его” (Добровольская 1999: 24). Прибежав домой, Марья действительно застала точь-в-точь нарисованную ей картину.

Иные же, побывав в потустороннем мире, открывают в себе способность даже при случайной встрече распознавать сущность людей, чего раньше за собой не замечали. Например, та же Агафья Назарова при разговорах с одними чувствует себя хорошо, с другими же женщине, по ее словам, становится до того противно, что она едва не хворает.

Как следствие посещения иного мира осмысляется и врачебная практика обмиравших, в чем они также сопоставимы с шаманами: “Потом она (одна старушка. – Н.К.) вернулась домой, потому и проснулась. Еще она сказала, что может лечить людей от всех болезней. И стали к ней ехать отовсюду люди – и всех она лечила” (АКНЦ 196: 371).

Болгарские легенды повествуют как вернувшийся “оттуда” прославился своими способностями лечить людей, данными ему на “том свете” в буквальном смысле “от Бога”. В округе его очень уважали и приходили за советом. Правда, в аналогичном случае бабушка, знавшая много заговоров и получившая в загробном мире “силу”, чтобы лечить людей, не всегда использовала свой дар по назначению. Как выяснилось, эта “сила” помогала ей и в колдовстве. “Троих я уже уморила, поскольку все они меня ненавидят”, – призналась колдунья (Тодорова-Пиргова 1999: 25. № 2). Однако это признание не вызвало у рассказчицы осуждения своих действий.

Осмысление природы знания, полученного при посещении загробного мира, в русской и – шире – славянской фольклорной традиции едва ли не полностью соответствует трактовке этого понятия, выработанной еще в античной философии, где знание интерпретируется как припоминание виденного в потусторонней жизни, как воспроизведение того, что некогда видела наша душа, когда она сопутствовала богу (Платон. Федра. 249 b-c). Излагая античные представления о природе познания, Платон пишет: “А раз душа бессмертна, часто рождается и видела все и здесь, и в Аиде, то нет ничего такого, чего бы она не познала; ... она способна вспомнить то, что прежде ей было известно. ... искать и познавать – это как раз и значит припоминать. ... а то, что мы называем познанием, есть припоминание” (Платон. Менон. 81 b, c, d). Как и в античных мифах, в русских легендах души, побывавшие на “том свете” и вновь возвратившиеся к жизни во плоти, имеют особое предназначение на земле. Правда, будучи уже приближены к современному быту, наши визионеры уже не наделены тем величием, каким обладали античные возвращенцы из загробного мира. И тем не менее они сопоставимы с античными персонажами, вернувшимися из Аида:

Кто Персефоне пеню воздаст
За все, чем встарь он был отягчен,
Души тех на девятый год
К солнцу, горящему в вышине,
Вновь она возвратит.
Из них вырастут великие славою цари
И полные силы кипучей и мудрости вящей мужи, –
Имя чистых героев им люди навек нарекут.

Пиндар. Трены

Не случайно и в русской волшебной сказке сверхзнание и магические способности обретают герои, побывавшие в ином царстве и вернувшиеся оттуда.

В познании мироздания человечеству, как свидетельствует анализ легенд “визионерского” типа, положен предел. Поведая, по сути, без особых ограничений об увиденном и услышанном на “том свете” (“всё она рассказала”), визионер, вернувшись, отказывается говорить людям некие “три слова”: “трех слов не сказал”, “три слова утаила”, “а три слова, – говорит, – я не скажу”. Такое молчание имеет свою мотивировку. На произнесение этих сокровенных слов наложен запрет – и вернувшийся из инобытия не может нарушить его под страхом неминуемой смерти: “сказать вам эти три слова – не могу”; “мне нельзя, мне сказали, нельзя говорить эти три слова”. По одной из легенд, как только некогда обмиравшая уже перед самой своей смертью попыталась сообщить людям нечто запретное, появилась некая фигура – “не то мужчина, не то женщина” (ясно, что это ни то ни другое), то начавшая уже было говорить сразу же умолкает: “Всё, мне не велено рассказывать” (Толстая 1999: 22. № 2).

“Три словеса Божественныя” фигурируют и в “Житии Андрея Юродивого”, где, по свидетельству визионера, их произнес своими “пресладкими и пречистыми” устами сам премилосердный Творец. “Неизреченные слова, которые человеку нельзя пересказать”, слышал и апостол Павел, когда был “восхищен” в рай.

Характерно, что таинственный знак-символ, воплощенный в образе “трех слов”, обнаруживается и в других этнокультурных традициях. Так, например, именно за “тремя словами” отправляется в потусторонний мир Маналу, или Туонелу, герой карельских эпических песен – “верный старый Вяйнямёйнен”, когда при изготовлении лодки с помощью магического пения-заклинания ему этих слов не хватило, чтобы довести работу до конца (Евсеев 1950: 83. № 34; 205. № 92). В этом контексте слово осмысливается как материализованная субстанция первотворения, как некая энергетическая сущность, сокрытая для обыденного понимания. Возможно, эти “три слова” – метафорическая замена того самого Слова, которое было в “начале времен” у Бога и которое само являлось Богом.

Таким образом, в основе легенд о возвращении из загробного мира лежит концепция мироустройства, стирающая грань между бытием и инобытием, жизнью и смертью, земным и потусторонним. Обретение визионерского опыта осмысливается в легендах как знак необходимой корректировки в отношениях между мирами, цель которой – сохранить равновесие между ними, не допустить вторжения сил хаоса. Для преодоления кризисной ситуации в жизни социума либо индивида визионеру, попавшему в загробный мир, дается отсрочка от смерти. В качестве способов возвращения его на землю фигурируют помощь проводника по “тому свету” (Бог, ангелы, святые, предки, родственники), определенные действия, вербальные формулы, переживание особого психологического или физиологического состояния (страх, радость, тоска, жажда и пр.). Акт возвращения к жизни закрепляется по мере преодоления последствий лиминальности. Из загробного мира, где сосредоточены все начала и все концы сущего, визионер приносит божественные наказы.

На рассматриваемые легенды, подвергшиеся сильной христианизации, оказала влияние доктрина посмертного воздаяния, связанная с идеей покаяния и искупления грехов во имя спасения. Вместе с тем обмиравший, который получил сверхзнание за пределами бытия, генетически восходит к герою мифов, сказок, эпических песен, повествующих о посещении им потустороннего мира и открывшихся там ему “видениях”.

Источники и литература

АКНЦ – Архив Карельского научного центра РАН (первая цифра обозначает номер коллекции; вторая – номер текста, хранящегося в ней).

Азбелев 1992 – Народная проза / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. С.Н. Азбелева. М., 1992.

- Афанасьев 1994 – Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: В 3-х т. М., 1994. Т. 3.
- Бессонов 1863 – Бессонов П. Калеки переходные: Сб. стихов. М., 1863. Вып. 5.
- Веселовский 1866 – Веселовский А.Н. Данте и символическая поэзия католичества // Вестник Европы. 1866. Т. IV. Отд. 1. С. 152–209.
- Виноградов 1923 – Виноградов Г.С. Смерть и загробная жизнь в воззрениях русского старожилото населения Сибири // Сб. трудов профессоров и преподавателей Гос. Иркутского университета. 1923. Вып. 5. С. 261–345.
- Грицевская и др. 1993 – Грицевская И.М., Пигин А.В. К изучению народных легенд об “обмирании” (Видение девицы Пелагеи) // Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1993. С. 48–68.
- Гура и др. 1983 – Гура А.В., Терновская О.А., Толстая С.М. Материалы к полесскому этнолингвистическому атласу // Полесский этнолингвистический сборник: Материалы и исследования. М., 1983. С. 70–72.
- Гуревич 1977 – Гуревич А.Я. Западноевропейские видения потустороннего мира и “реализм” средних веков // Труды по знаковым системам. VIII. Тарту, 1977. С. 3–27.
- Гуревич 1981 – Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981. С. 176–239.
- Гуревич 1982 – Гуревич А.Я. Устная и письменная культура средневековья: (два “крестьянских видения” конца XII – начала XIII в.) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 41. 1982. № 4. С. 348–358.
- Гуревич 1989 – Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. М., 1989. С. 94–110.
- Державина 1965 – Державина О.А. “Великое зеркало” и его судьба на русской почве. М., 1965.
- Добровольская 1999 – Добровольская В.Е. Рассказы об обмираниях // Живая старина (далее – ЖС). 1999. № 2. С. 23, 24.
- Евсеев 1950 – Карельские эпические песни / Предисл., подгот. текстов и коммент. В.Я. Евсеева. М.; Л., 1950.
- Житие и чудеса 1995 – Житие и чудеса преподобного Александра Свирского. СПб., 1995.
- Зиновьев 1987 – Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / Сост. В.П. Зиновьев. Новосибирск, 1987.
- Карышев 1904 – Карышев И.А. Духовно-нравственный мир в человеке по учению святой православной веры. Изд. 2-е. СПб., 1904.
- Криничная 2000 – Криничная Н.А. Русская народная мифологическая проза: Истоки и полисемантизм образов. Т. 2. Петрозаводск, 2000.
- Криничная 2001 – Криничная Н.А. Русская народная мифологическая проза... Т. 1. СПб., 2001.
- Криничная 2004 – Криничная Н.А. Русская мифология: Мир образов фольклора. М., 2004.
- Леви-Брюль 1994 – Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1994.
- Лукиан 1955 – Лукиан. Избранные атеистические произведения / Редакция и статья А.П. Каждана. М., 1955.
- Лурье и др. 1994 – Лурье М.Л., Тарабукина А.В. Странствия души по тому свету в русских обмираниях // ЖС. 1994. № 2. С. 22–26.
- Мильков 1997 – Апокрифы Древней Руси: Тексты и исследования / Отв. ред. и сост. В.В. Мильков. М., 1997.
- Новик 1984 – Новик Е.С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме: Опыт сопоставления структур. М., 1984.
- Пигин 1994 – Пигин А.В. Жанр видения в старообрядческой рукописной традиции XVII–XX вв. // Выговская поморская пустынь и ее значение в истории русской культуры. Петрозаводск, 1994. С. 68–71.
- Пигин 1997 – Пигин А.В. Видения потустороннего мира в рукописной традиции XVIII–XX вв. // Тр. Отд. древнерус. лит. Т. L. СПб., 1997. С. 551–557.
- Пигин 2000 – Пигин А.В. Жанр видения как исторический источник (на выговском материале XVIII в.) // История и филология: проблемы научной и образовательной интеграции на рубеже тысячелетий. Петрозаводск, 2000. С. 216–222.

- Пигин и др.* 2003 – *Пигин А.В., Юхименко Е.М.* К истории жанра видений в выговской литературной школе (“Видение некоей старухи” в 1748 г.) // Выговская поморская пустынь и ее значение в истории России: Сб. научных статей и материалов. СПб., 2003. С. 129–138.
- Покровский* 1997 – *Покровский Н.Н.* Два рассказа из Урало-Сибирского патерика XX в. // *ЖС.* 1997. № 2. С. 39, 40.
- Полякова* 1972 – Повесть о житии и деяниях Филарета Милостивого // *Византийские легенды* / Изд. подгот. С.В. Полякова. Л., 1972.
- Потапов* 1991 – *Потапов Л.П.* Алтайский шаманизм. Л., 1991.
- Потусторонний двойник* 2000 – Потусторонний двойник Павла Муравьева // Чудеса и приключения. 2000. № 12. С. 59, 60.
- Ромодановская* 1996 – *Ромодановская Е.К.* Рассказы сибирских крестьян о видениях (к вопросу о специфике жанра видений) // Тр. Отд. древнерус. лит. Т. XLIX. СПб., 1996. С. 141–156.
- Садовников* 1884 – Сказки и предания Самарского края / Собр. и зап. Д.Н. Садовниковым. СПб., 1884.
- Тодорова-Пиргова* 1999 – *Тодорова-Пиргова И.* Представления о “том свете” в биографических нарративах // *ЖС.* 1999. № 2. С. 25–27.
- Толстая* 1999 – *Толстая С.М.* Полесские “обмирания” // *ЖС.* 1999. № 2. С. 22, 23.
- Толстые* 1979 – *Толстые Н.И. и С.М.* О жанре “обмирания” (посещения того света) // Вторичные моделирующие системы. Тарту, 1979. С. 63–65.
- Толстые* 2003 – *Толстые С.М. и М.Н.* Погребения в саду у “горюнов” Сумской области // *ЖС.* 2003. № 2. С. 13, 14.
- Федотов* 1991 – *Федотов Г.П.* Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам). М., 1991.
- Шеваренкова* 1998 – Нижегородские христианские легенды / Сост., вступ. статья и коммент. Ю.М. Шеваренковой. Отв. ред. К.Е. Корепова. Нижний Новгород, 1998.
- Шевченко* 1999 – *Шевченко В.Ф.* “Велел Господь показать тебе ...” // *ЖС.* 1999. № 2. С. 27–29.
- Ярхо* 1989 – *Ярхо Б.И.* Из книги “Средневековые латинские видения” // Восток – Запад: Исследования. Переводы. Публикации. Вып. IV. М., 1989. С. 18–77.
- Ястребов* 1896 – *Ястребов В.Н.* Из народных уст. О превращениях // Этнографическое обозрение. 1896. № 4. С. 156.

N.A. Krinichnaia. Legends about the Return from the World of the Dead (a Study of East Slavic Materials)

Legends about the return from the world of the dead are analyzed in the article through a case study of East Slavic data. Such legends usually tell about the postponement of death of a visionary who went to the “other world”, about ways of coming back, and about revelations made while in that world. The experience gained by the visionary is often shown as a means of overcoming a crisis that takes place in the relationship between the two worlds. A possible impact of Christian doctrines on these legends is discussed in the article.